

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА СЛОВ-РЕАЛИЙ В ЭПОСЕ «ДАВИД САСУНСКИЙ» НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

ХАНДУТ НЕРСИСЯН

Одна из сложнейших проблем, встающих перед переводчиком художественной литературы—это проблема передачи национального своеобразия подлинника. Сохранение его позволяет читателю познакомиться с психологией и характером народа, его нравственными чертами, социальными условиями жизни, народно-стилистическими средствами языка и т. д. Говоря о сложности этой проблемы, видный советский теоретик перевода А. Федоров пишет: «Чем ближе произведение по своей тематике к народной жизни, к «житейскому быту» (пользуясь выражением Белинского), а по своей стилистике к фольклору, тем ярче проявляется, обычно, национальная окраска. При этом задача перевода усложняется еще и потому, что национальная окраска оригинала воспринимается как нечто привычное, родное, естественное всеми теми, для которых этот язык является родным. Отсюда, казалось бы, неразрешимая дилемма или показать специфику и впасть в «экзотику» или сохранить привычность и утратить специфику, заменив ее спецификой одного из стилей того языка, на который делается перевод»¹.

Богатый материал для наблюдений и обобщений путей передачи национального своеобразия подлинника дают английские переводы «Давида Сасунского». Первый из них, изданный издательством университета штата Огайо в 1964 г., принадлежит Артину Шаляну, большому знатоку армянской мифологии и фольклора. Это единственный перевод сводного текста эпоса. В том же году в США выходит в свет пересказ эпоса, сделанный известным писателем и профессором английской филологии Леоном Сюрмеляном. В 1970 г. в Лондоне издается третий вариант эпоса на английском языке в пересказе Миши Кудиана, известного переводчика армянской поэзии и прозы на английский язык.

Главной особенностью языка армянского эпоса является его простота и лаконичность. Вместе с этим язык эпоса чрезвычайно богат такими выразительными средствами, как пословицы и поговорки, крылатые слова, эпитеты, значащие имена, сравнения, противопоставления, гиперболы, повторы, аллегории, символы, олицетворения, метафоры и т. п. Как передать наиболее верно все эти фольклорно-речевые средства на язык перевода? Задача эта чрезвычайно важна, так как именно эти выразительные средства характеризуют героев эпоса, их нравственные черты, их действия, мышление.

Не ставя себе цель дать подробный анализ путей передачи национальной окраски произведения, в данной статье мы попытаемся изложить лишь некоторые наблюдения над способами передачи реалий как одного из проявлений национального своеобразия художественного произведения.

¹ А. В. Федоров, Основы общей теории перевода, М., 1983, с. 279.

Различия быта и уклада народов, их истории, географии, культуры, а также языков—все это те причины, которые препятствуют достижению полного тождества между оригиналом и переводом. Самые обычные слова, обозначающие специфически местные понятия, могут быть предметом долгих, а порой и безуспешных поисков соответствий на языке перевода. Для успешного решения этой задачи очень важными являются и личностные качества переводчика. Обширные фоновые знания, глубокое понимание художественного текста, его опыт, одаренность, обладание такими качествами, как «чувство языка», «интуиция»—вот те предпосылки, которые обуславливают успешную деятельность переводчика.

Наблюдения, сделанные на основе трех переводов «Давида Сасунского», показали, что переводчики армянского эпоса во многом по-разному подходили к этой проблеме. При знакомстве с текстом эпоса в переводе Артина Шаляна бросается в глаза большое количество сносок, где даются объяснения транскрибированным или транслитерированным армянским словам. Видные теоретики перевода не раз предупреждали не злоупотреблять переносом слов-реалий в переводящий язык. Этим затрудняется чтение художественного произведения, так как читателю приходится прерывать чтение и искать в сносках объяснения незнакомых ему слов. Это тем более досадно, что в некоторых случаях вполне можно было избежать сноски.

Հալիֆըն էր Կրոսապաշտ Նաիրֆաշ

Մեկ էլ հարց Դադիկ Թադախր...²—так начинается эпос «Давид Сасунский». В переводе Шаляна первые строки древнего памятника звучат так:

„In the beginnng there was a pagan Khalif
There was also an Armenlan king Cakig“³.

„Khalif“—первое слово, которому Шалян дает в сноске следующее объяснение: „Khalif: A word of Arabic origin, used by minstrels of the Middle East as a substitute for the word king“⁴. (Халиф—слово арабского происхождения, которое употреблялось менестрелями Среднего (Ближнего) Востока как слово, заменяющее слово «король»). Здесь непонятно сразу несколько моментов. Почему Шалян упоминает менестрелов Ближнего Востока? Разве кроме менестрелов никто не называл верховных правителей некоторых мусульманских стран халифами? И взаимозаменяемы ли слова «Khalif» и «King». Как видим, объяснение, данное Шаляном слову «Khalif», само нуждается в целом ряде пояснений. Заметим кстати, что реалии «паша», «эмир», «везирь», относящиеся к той же группе общественно-исторических реалий, Шалян не комментирует в примечаниях. Почему же делается исключение для слова «халиф»?

С. Влахов и С. Флорин, обсуждая пути передачи реалий, справедливо отмечают два важных вопроса, среди прочих других, которые переводчик должен четко уяснить для себя: 1) реалия ли это? и 2) если да, то следует ли эту реалию «брать взаймы»?⁵

² «Մանկիկ Դադիկ», Երևան, 1961, էջ 3.

³ „David of Sassoun“, Ohio, 1964, p. 5.

⁴ Там же.

⁵ С. Влахов, С. Флорин, Непереводимое в переводе («Мастерство перевода», М., 1970, с. 440).

Леон Сюрмелян не дает объяснение слову «халиф», и такой подход нам кажется вполне оправдан. Во-первых, потому что любому читателю средней эрудиции, будь это английский, русский или армянский, это слово должно быть понятно. Заметим, кстати, что слово «халиф», как и целый ряд слов, относящихся к общевосточной лексике, как например «везирь», «паша», «саз», «амир», «хурджин» и т. д., в переводах на русский язык обычно не комментируется, так как они давно уже знакомы русскому читателю. Во-вторых, контекст, в котором слово «Caliph» противопоставляется слову «King», помогает читателю догадаться, что речь идет о верховном правителе страны, у которого такой же высокий социальный статус, как у короля (King).

В переводе Сюрмеляна начало эпоса звучит так: „It all began with the feud between the Caliph of Baghdad Senacherib and the king of Armenia“⁶.

Говоря о возможности перенесения иноязычного слова в язык перевода и о роли контекста, в котором оно употребляется, А. Федоров пишет: «При всей непонятности слова, употребляемого впервые (или вообще очень редко), контекст, в котором оно употребляется, если и не способен полностью раскрыть его смысл, то все же может дать некоторое представление о предмете или понятии, обозначенном им. В предложении: «В жизни ты не увидишь, чтобы армянин валялся в грязи, хоть выпей он пять тунг вина». Слово «тунг» легко понимается нами как родительный падеж множественного числа слова «тунга», явно означающего меру жидких тел, видимо, довольно большую (по комментарию равную 4 литрам)»⁷. Пример приведен А. Федоровым из романа «Раны Армении» Х. Абовяна.

Перевод слова «ханум» служит еще одной иллюстрацией разного подхода переводчиков к проблеме передачи слов, называющих реальию. В армянском варианте сводного текста армянская царевна впервые упоминается так:

«Մեկ աղջիկ ունեւր, շատ տեսաւոր
Անուն՝ Ծովինար խանում»⁸.

Шалян в очередной раз комментирует слово «ханум» в подстрочном примечании. Леон Сюрмелян знакомит английского читателя с армянской царевной как „beautiful Dzovinar“. У Миши Кудиана Цовинар — это „the beautiful Dzovinar“, „the fair Dzovinar“, „Princess Dzovinar“, «Dzovinar». Таким образом, в тех случаях, когда героиня — армянка, Сюрмелян и Кудиан не применяют слова «ханум», считая, видимо, его применение оправданным только к именам героинь — жен сасунских героев, привезенных ими из далеких стран.

Общественно-исторические реалии в эпосе составляют большую группу. Интерес представляет передача такого сугубо восточного и архаичного слова, как «վաքիլ». В оригинале читаем: „...Վաքիլ, վաքիլ

ընկան

Մըրա Մելիքի ոտ-ձեռ վաքիլ...»⁹. У Шаляна „...The vizier and deputies fell on their knees, Kissed Melik's hand and feet...“¹⁰.

⁶ „Daredevils of Sassoun“ by Leon Surmelian, Denver, 1964.

⁷ А. В. Федоров, указ. соч., с. 153.

⁸ «Մասունցի Դավիթ», էջ 3:

⁹ Там же, с. 140.

¹⁰ „David of Sassoun“, p. 164.

В оригинале: «... Պաճիկ Թադաճորն էլ առաւ իր վազիր, վաքիւ, Առաւ իր սինդնէր...»¹¹.

У Шаляна: «...King Bajig took with him his vizier, Ministers and counsellors...»¹².

Насколько прав Шалян, когда передает значение слова «վաքիւ» как «deputy» или «minister»? Ведь оба слова в применении к государственным деятелям мусульманских стран вошли в обиход сравнительно недавно. Слова «deputy» и «minister» не вписываются в действительность, описываемую в эпосе, и, на наш взгляд, это одна из неудач Шаляна. Касаясь вопроса сохранения архаизмов в тексте перевода, А. Федоров пишет: «Опыт переводов народно-эпических повествований на современный английский язык показывает, что в целом, несмотря на определенную долю модернизации подлинников переводчиками, существующие переводы сохраняют идейную и художественную окраску древнего произведения, причем архаичный стилистический слой (лексические и грамматические архаизмы), являясь неотъемлемой частью богатства лексико-грамматической системы языка, несет наиболее важную функциональную нагрузку при воссоздании в переводе исторического колорита древних памятников»¹³. Передача Шаляном слова-реалии «վաքիւ» не только не способствует сохранению исторического колорита средневекового эпоса, а вносит несоответствие между описываемой эпохой и понятиями «minister» и «deputy».

В связи с этим интересно привести два следующих эпизода из перевода Сюрмеляна. Холбаши приходит в Сасун за данью, которую якобы задолжали сасунцы Мсра-Мелику за 7 лет. Испуганный Оган говорит Холбаши: «Have a cup of tea or coffee with me»¹⁴.

Второй эпизод. После очередной победы Давида над войском Мсра-Мелика к Давиду подбегают слуги халифа и, упав перед ним на колени, просят пощадить их и не убивать, заверяя его в том, что будут служить ему верой и правдой: «We shall... prepare your coffee, tea...»¹⁵.

Чай или кофе вряд ли были знакомы жителям средневековой Армении. На протяжении всего эпоса его герои пьют или студеную ключевую воду из волшебных родников, или же семилетнее гранатовое вино. Понятия «чай» и «кофе», которые вошли в быт армянского народа намного позднее, вступают в противоречие со временем и обстановкой, описываемой в эпосе. В этих эпизодах Леон Сюрмелян, переводчик, для которого характерен тонкий вкус и чувство меры, явно нарушает «дистанцию времени» и, внося в контекст VII—X вв. слова «кофе» и «чай», модернизирует его, придавая тексту в этом месте современную окраску.

Бытовые реалии, встречающиеся в эпосе, составляют довольно большую группу. Это пища, одежда, уборы, украшения, жилье, утварь, музыкальные инструменты, игры, религиозные праздники, меры длины и веса и т. п., все то, что обогащает представление читателя о быте и укладе жизни народа. Остановимся на передаче реалии «лаваш» — традиционного армянского хлеба. Кудиан переводит слово-реалию «лаваш» путем внутритекстового раскрытия информации, зак-

¹¹ «Սասնաճղի Դավիթ», էջ 308.

¹² «David of Sassoun», p. 357.

¹³ А. В. Федоров, указ. соч., с. 291.

¹⁴ «Daredevils of Sassoun», p. 150.

¹⁵ Там же, с. 233.

люченной в транслитерации: „... and took a quantity of lavash—thee sheet—bread eaten by Armenians“¹⁶. Схожим образом раскрывает значение этой реалии Сюрмелян: „thin sheet of bread“, „flat sheet of...bread“.

Интересным представляется также и раскрытие значения реалии «ариса». Шалян, верный своей склонности давать подробный комментарий реалии, и на этот раз не делает исключения: „Harisa is a thick porridge of lamb's meat and wheat served to those attending the memorial service“¹⁷. Сюрмелян использует два способа передачи реалии—внутритекстовое раскрытие информации и комментарии в примечании: „On the feast of St. Mary people go to church and cauldrons of porridge are cooked with minced meat which people eat in communal meals for the salvation of the souls of their dead“¹⁸. В примечании же Сюрмелян добавляет: „In the country districts no holiday feast is complete without this porridge harisa cooked slowly in the tonir“¹⁹.

Наиболее удачно, на наш взгляд, перевел это слово-реалию Кудян. Он передает реалию посредством внутритекстового раскрытия информации, заключенной в транслитерации, в широком контексте: „I waited for it to end and the priest to bless the hareessa for the offering...“ Allas I would enjoyed that meat dish so much“. „The aged widow herself began to serve this very special dish...And she took a large earthenware pot, scooped out the hareessa added the molten butter which went with it...“²⁰.

Со старинным армянским национальным инструментом «сазом» Сюрмелян знакомит английского читателя, прибегнув к приблизительному соответствию «lute» или к хипонимическому переводу—«instrument». Переводчик не транскрибирует слово, называющее вид музыкального струнного инструмента, а переводит словом, выражающим родовое понятие, не подчеркивая отличие реалии от других предметов того же рода. Известно, что все реалии соотносятся с какими-то общими понятиями, и это позволяет в определенных контекстах избегать окказиональных заимствований. Приблизительными английскими соответствиями «fiddle», «drums» и «pipe» передаются в пересказе Сюрмеляна старинные армянские музыкальные инструменты «շաֆֆր», «բֆֆֆր» и «դֆֆֆ». Шалян обстоятельно объясняет их в сносках.

Неудачными, в основном, можно назвать попытки названных переводчиков довести до читателя значения реалии «էրդիւ». Эта реалия, отражающая немаловажную сторону быта армянского крестьянина и имеющая функциональную активность в контексте, должна была быть тщательно прокомментирована в примечаниях. В оригинале читаем:

«Արկ էրդիւ զե կը տեսնենք».

Լուս էրդիւ զե կ'տեսնենք»²¹.

У Шаляна: „We see the sun and catch the light
Only through the ceiling-window“²².

¹⁶ „The Saga of Sassoun“, London, 1970, p. 87.

¹⁷ „David of Sassoun“, p. 204.

¹⁸ „Daredevils of Sassoun“, p. 128.

¹⁹ Там же, с. 135.

²⁰ „The Saga of Sassoun“, p. 87.

²¹ «Մասնակի շաֆֆր», էջ 12.

²² „David of Sassoun“, p. 16.

В оригинале: «—Կը անկէք Սասուն քաղաք,
Տան էրդիսէն կը գցեք...»²³.

У Шаляна: „Take this to Sassoun
Through the chimney
Drop them in Sanasar's bed chamber“²⁴.

В первом случае Шалян прибегает к описательному способу передачи реалии, во втором он находит приблизительное соответствие, которое разрушает бытовую достоверность повествования. И только на 308 странице Шалян дает объяснение этой важной реалии в сноске. Остается непонятным очередность, выбранная Шаляном для объяснения реалии «էրդիս». Почему только где-то в конце сказа о Давиде эта реалия обстоятельно объясняется в сноске, если до этого она неоднократно встречалась в эпосе?

Сюрмелян передает значение «էրդիս» как «roof window»²⁵. Однако, видимо, считая, что «roof window» не передает понятие, заключенное в слове «էրդիս», Сюрмелян пытается раскрыть его значение, прибегая к описательному переводу: „They looked down through an opening in the roof and saw a young man sleeping in his bed“²⁶.

В другом случае Сюрмелян находит для реалии «էրդիս» соответствие «roof», которое трудно назвать удачным: „We have been feeding and watering him from the roof“²⁷.

Речь идет о коне Джалали, которого Ован замкнул за семью замками и тайно от всех поил и кормил.

Так же, как и Сюрмелян, Миша Кудиан нашел возможным раскрыть значение реалии «էրդիս» соответствием «roof», что далеко от истинного значения этой реалии: „So they flew across to the roof on the east tower...they saw a handsome youth sleeping in a room immediately below“²⁸.

Можно ли, сидя на крыше, видеть, что делается внутри комнаты? Видимо, Кудиан понимал, что это нелегко и потому, рассказывая о спящем юноше внутри комнаты, которому чародейки-голубки бросили письмо, он вносит уточнение «immediately below» — «прямо вниз». Но и это не помогает читателю понять, каким образом можно, сидя на крыше, видеть спящего внутри комнаты юношу, и как можно бросить с крыши письмо прямо на его постель. Так же непонятно для читателя, для чего нужно взбираться на крышу, чтобы поить и кормить коня Джалали?

Ответом на эти вопросы могло быть примечание с подробным комментарием относительно немаловажной реалии «էրդիս», знакомящей читателя с бытом армянского крестьянина. Значение этой реалии способствовало бы правильному восприятию контекста.

Иллюстрацией чрезмерного увлечения транскрибированием армянских слов может послужить сноска, данная Шаляном для объяснения обращения «папа»²⁹ (в армянском нанэ). Легко и просто пере-

²³ «Սասունցի Դավիթ», էջ 56.

²⁴ „David of Sassoun“, p. 66.

²⁵ Там же, с. 56.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, с. 177.

²⁸ „The Saga of Sassoun“, p. 41.

²⁹ Там же, с. 44.

водит его Сюрмелян, найдя английское соответствие «паппу»³⁰.

Сюрмелян комментирует в примечании слово «kef»³¹, хотя найти ему соответствие на любом языке не представляется трудным.

Касаясь этого вопроса, Вл. Россельс пишет: «Когда читатель встречается в русском тексте чурек или лаваш и читает в подстрочном примечании, что это особый вид хлеба, встречающийся у народов Кавказа, он запоминает это слово, ибо оно обогащает его представление о новом предмете, дотоле неизвестном.

Когда же мы читаем слово «хала» и узнаем, что это по азербайджански тетя, мы недоумеваем: для чего нам знать? И это слово остается в памяти лишь экзотическим иероглифом, досадной помехой при чтении»³².

Известно, что имена собственные содержат в себе информацию о национальной принадлежности обозначенных ими предметов мысли. Так же, как и все реалии, при переводе они сохраняют определенное национальное своеобразие в своей словесной звуковой форме. «Имена собственные, являясь принадлежностью определенной культуры, обладают в большинстве своем ярко выраженным культурным компонентом. В семантике имени собственного сконцентрированы и речевые (адресные) и экстралингвистические энциклопедические (исторические, географические) сведения, и психологические, эмоциональные, аффективные моменты, и идеологическая направленность названия, и особенности его восприятия»³³. Интересным представляется передача имен собственных, представленных в эпосе многочисленными антропонимами и топонимами. Здесь, как и в большинстве случаев передачи реалий на переводящий язык, переводчики избрали разные приемы. Если Шалян транскрибирует их (Berd-Gaboud, B' gh' ntze Kaghak, Sibdag Dev, Kerry Toros, Gatnov Aghbiur, Akravou Kar), то Сюрмелян выбирает прием калькирования или полукалькирования (Blue Castle, Copper City, White Dev, Uncle Toros, Milk Fountain, Raven's Rock). В предисловии к переводу «Давида Сасунского» Шалян неоднократно подчеркивает, что, работая над переводом, он ставил себе цель, как можно вернее воспроизвести эпос на английский язык. Видимо, желание сохранить национальный колорит побудило его сохранить в тексте большое количество армянских слов, в том числе и имена собственные, в их звуковой форме. Однако во многих случаях эта тенденция приближения к фонетической точности написания переходит в злоупотребление этим приемом. Английскому читателю нелегко будет прочесть непривычные для него сочетания букв gh, ts, tz, dz в словосочетаниях B' gh' ntze Kaghak, Tsenov Hovan, Gaboud Dzov и т. д. Кроме этого ему придется искать объяснения этим именам собственным в сносках. В переводах Сюрмеляна вышеприведенные имена собственные находят свои прямые лексические соответствия. «Смысловой перевод» этих имен собственных ни в коей мере не наносит ущерб национальному своеобразию подлинника. Хорошо известно, что национальное своеобразие подлинника сохраняется творческим воспроизведением всего идейно-художественного содержания подлинника. По мнению В. С. Виноградова, такие приемы передачи слов-реалий, как транскрипция, транслитерация,

³⁰ „David of Sassoun“, p. 203.

³¹ „Daredevils of Sassoun“, p. 133.

³² Вл. Россельс, Перевод и национальное своеобразие подлинника («Вопросы художественного перевода», М., 1955, с. 169).

³³ Г. Д. Томакин, Америка через американизмы, М., 1982, с. 18.

перифрастический и хипонимический перевод, амплификация и др. не играют основной роли в воссоздании национальной культуры, жизни, психологии народа. Они лишь способствуют сохранению национального колорита³⁴. «В настоящее время прием транслитерации и транскрипции при переводе художественной литературы используется гораздо реже, чем прежде. Это вполне обосновано—передача звукового или буквенного облика иноязычной лексической единицы не раскрывает ее значения, и такого рода слова читателю, не знающему ИЯ, без соответствующих пояснений остаются непонятными. Поэтому указанным приемом при передаче иноязычных реалий следует пользоваться умеренно»³⁵.

Смелый творческий подход требуется от переводчика при воссоздании смысловых имен собственных, при воспроизведении игры слов, одной из интереснейших и труднейших случаев в области перевода. Приведем два примера словесной игры в оригинале.

В крепость Тевадороса приехали сасунцы сватать его дочь, Армаган:

«Ու հարցուցին.— Թևադորոս հո՞ր է
Ասին.— Չէ, բերդի հիմ թալեց,
Իր հաց կերավ, գնաց Արզրոմ:
Գնացին կեսավուր Արզրոմ
Ու հարցուցին էնտեղ.— Թևադորոս հո՞ր է:
Ասին.— Բերդի հիմ թալեց,
Կեսոր կերավ ու գնաց Կարս:
Գնացին ի Կարս.— Թևադորոս հո՞ր է:
Ասին.— Բերդի հիմ թալեց,
Հրամեն կերավ ու գնաց բերդ Մանաձկերտ»³⁶,

В этом эпизоде обыгрывается семантика имен Тевадороса, Крылатый Дорос, от слова тев—крыло, который за один день побывал в Ване, Арзруме, Карсе, заложил основы крепостей и вернулся в Маназкерт.

Шалян в точности передает эпизод, рассказывающий о бурной строительной деятельности царя Тевадороса, и, прибегая к своему излюбленному приему, дает следующее объяснение этому значащему имени в сноске: „Winged Toros, a mythical figure possessing wings for flight and rapid travel“. Такое объяснение дает читателю повод думать, что в армянской мифологии существует фигура Тевадорос, который обладает крыльями и умеет быстро летать. Но это не так. В эпосе царь Тевадорос наделен способностью быстро передвигаться по стране для того, чтобы показать деятельность и энергичность Тевадороса, образ которого восходит, как предполагается, к образу князя Теодороса Рштуни, опытного политического деятеля и полководца. Неточность в передаче семантики имени Тевадорос мешает правильному восприятию этого высокохудожественного эпизода. Сюрмелян полностью воспроизводит этот яркий эпизод, однако в его переводе нет и намека на то, что в оригинале имеет место обыгрывание семантики имени Тевадорос, и оно воспринимается читателем не как значащее имя, а как обыкновенное. Заметим кстати, что в русском

³⁴ В. С. Виноградов, Лексические вопросы перевода художественной прозы, М., 1978, с. 76.

³⁵ Л. С. Бархударов, Язык и перевод, М., 1976, с. 99.

³⁶ «Մանուկի Դավիթ», էջ 108.

переводе свободного текста эпоса также не передано обыгрывание семантики этого имени.

Еще один пример обыгрывания значащего имени в оригинале мы встречаем в следующем эпизоде:

«— էս վանքի անունը քստուց ետ՝
Մատղավանք չը պիտի ըլնի,
Մատնավանք պիտի ըլնի,
Քանի որ վանահեր մատնութուն արեց»³⁷.

Так говорит Мгер-младший, наказав игумна-предателя. И так, Матхаванк (Храм жертв), становится Матнаванком (Храм предательства). Шалян транскрибирует оба названия храма и раскрывает их значения в сносках. В русском переводе название храма передается при помощи перифрастического перевода. В обоих случаях утрачена игра слов, основанная на созвучии.

Однако отдельные неудачи при попытке передачи значимых имен и игры слов на переводящий язык не говорят о невозможности решения этой проблемы. Успех может прийти в том случае, когда переводчик, прибегая к смелым творческим поискам, отказывается от сохранения буквального смысла игры слов и находит функциональные эквиваленты значимым именам собственным и игре слов в подлиннике. Примером успешного решения этой проблемы может служить передача Сюрмеляном следующего эпизода из эпоса:

«Հովհանն ասաց. — Քեռի թորոս,
էն տղան որ ճամփուցը դուրս, ծուռ-ծուռ կը գա՝
էնիկ, վա՛յ թե, մեր ծուռ Դավիթն է, որ էկավ»³⁸.

Сюрмелян: „Twisted is his mind, twisted alond. He can't walk straight“³⁹.

Таким образом, наблюдения над путями передачи реалий в эпосе «Давид Сасунский» еще раз показали, что скрупулезный перенос на язык перевода всех слов-реалий и тех слов, за которыми переводчики видели реалии, также наносит ущерб воссозданию национального своеобразия подлинника, как и вытравливание из языка перевода слов-реалий, хранящих в себе важную информацию о жизни, культуре, психологии народа. Любое слово, в конечном счете, переводится на другой язык.

В практике перевода применяются от четырех до шести приемов перевода слов, обозначающих реалии. Предпочтение какому-либо из них ни в коей мере не может способствовать успешной передаче национального своеобразия подлинника. Здесь переводчику приходят на помощь его опыт, богатый запас знаний, «интуиция», «чувство языка», его одаренность, способность проявить творческий подход при решении такой трудной задачи, как воссоздание национального своеобразия подлинника на языке перевода.

³⁷ Там же, с. 303.

³⁸ Там же, с. 160.

³⁹ „Daredevils of Sassoun“, с. 54.

**«ՍԱՍՈՒՆՑԻ ԳԱՎԻԹ» ԷՊՈՍԻ ԲԱՌ-ԻՐՈՂՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ
ԱՆԳԼԵՐԵՆ ԹԱՐԳՄԱՆՈՒԹՅԱՆ ՄԻ ՔԱՆԻ ՀԱՐՑԵՐ**

ԽԱՆԻՈՒԹ ԼԵՐՍԻՍՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ու մ

Բառ-իրողությունների թարգմանությունը հետաքրքիր և բարդ խնդիրներից է, որ դրված է գեղարվեստական գրականության թարգմանչի առջև: Այս խնդրի բարեհաջող լուծման գործում մեծ դեր են խաղում թարգմանչի փորձառությունը, օժտվածությունը, «լեզվի զգացողությունը», «բնազդը», միջավայրի խոր իմացությունը, գեղարվեստական տեքստի ըմբռնումը:

«Սասունցի Դավիթ» էպոսի բառ-իրողությունների՝ անգլերեն հաղորդման ուղիների քննարկումը մեկ անգամ ևս ցույց է տալիս, որ բոլոր բառ-իրողությունների մանրակրկիտ փոխանցումը կամ թարգմանվող լեզվից բառ-իրողությունների վտարումը, որոնք կրում են ժողովրդի կյանքի, մշակույթի և հոգեբանության վերաբերյալ կարևոր տեղեկություններ, վնասում են բնագրի ազգային ուրույնության պահպանմանը: